

Трусов Владимир Павлович

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ТВОРЧЕСТВО» В ИМПЛИЦИТНЫХ ТЕОРИЯХ КРЕАТИВНОСТИ

Аннотация. В статье поставлена проблема поиска связи между житейскими и научными представлениями о феномене креативности. В качестве теоретической платформы, позволяющей построить связи между житейскими и научными представлениями, предлагается конструктивистский подход и получившуюся на его основе развития в российской психологии психосемантику.

В статье сделан краткий обзор исследований имплицитных теорий личности, в которых в качестве ведущих факторов выделены интеллектуальные и творческие способности человека. Показано, как с течением времени происходил переход от исследования общих личностных факторов к изучению частных конструктов, одним из которых является креативность, и далее – к изучению конструктов, описывающих особенности представления о творчестве в обыденном языке.

Описанное в статье эмпирическое исследование посвящено выявлению релевантной системы конструктов, с помощью которых носитель русского языкового сознания описывает феномен «творчество». В результате факторного анализа эта система конструктов приведена к девяти факторам, являющимися основой «русской имплицитной теории креативности».

Ключевые слова: творчество, имплицитные теории креативности, семантические измерения, семантический дифференциал.

Trusov Vladimir Pavlovich

PSYCHOSEMANTIC DIMENSIONS OF THE CONCEPT «CREATIVITY» IN IMPLICIT THEORIES OF CREATIVITY

Abstract. In article the problem of search of communication between everyday and scientific ideas of a creativity phenomenon is put. As the theoretical platform allowing to construct communications between everyday and scientific representations it is offered constructivist approach, and psychosemantics which gained on its basis development in the Russian psychology.

In article the short review of researches of implicit theories of the personality in which as the leading factors mental and creative abilities of the person are marked out is made. It is shown as eventually there was a transition from a research of the general personal factors to studying of private constructs, one of which is creativity, and further – to studying of the constructs describing features of idea of creativity in ordinary language.

The empirical research described in article is devoted to identification of a relevant system of constructs by means of which the carrier of the Russian language consciousness describes a phenomenon "creativity". As a result of the factorial analysis this system of constructs is brought to nine factors, being a basis of "the Russian implicit theory of creativity".

Трусов Владимир Павлович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», trussov@mail.ru, Новосибирск, Россия

Trusov Vladimir Pavlovich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor Of the Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, trussov@mail.ru, Novosibirsk, Russia

Keywords: creativity, implicit theories of creativity, semantic dimensions, semantic differential.

Мы живем в эпоху мнений – в период времени, в котором личная субъективная точка зрения индивида (порой не подкрепленная ничем, даже личным опытом) имеет зачастую вес больший, нежели чем реальность и объективно установленные научные факты. Не берясь комплексно оценивать все положительные и отрицательные стороны этого сложного социального процесса, отметим, что такое положение вещей не способствует развитию у современных учеников и студентов последовательной системной научной картины мира. По сути, происходит постепенное вытеснение из сферы образования научной картины мира ее житейским (субъективным) вариантом, растет разрыв между содержанием научных и житейских понятий. Этот разрыв наблюдается не только между «жизнью» и «наукой», но и внутри сферы научных гуманитарных исследований, где сильно декларируется, но слабо реализуется на уровне практических действий стремление к объединению существующих теоретических представлений и данных эмпирических исследований на базе единой методологической платформы.

Иллюстрацией к этому тезису может служить феномен, замеченный в преподавательской практике автора статьи. Перед началом курса «Психология творчества», на протяжении многих лет, студенты пишут работу, целью которой является экспликация их «собственной» теории творчества. Для этого требуется ответить на 12 вопросов, которые раскрываются в научных теориях творчества: «На что похоже творчество?», «Откуда берется творчество – Где его источник?», «Какова цель творчества?», «Чем творческая личность отличается от нетворческой?», «Какие вы можете выделить виды творчества?» и т. п. В конце курса студенты анализируют собственные работы с точки зрения их соответствия-несоответствия существующим теориям творчества. Экспертный анализ студенческих работ показывает, что среди них обнаруживаются интуитивные сторонники и психоаналитического, и когнитивного, и гуманистического подходов (в примерной пропорции 15, 35 и 50 %). Однако при самостоятельном анализе своих работ в конце семестра, почти 100 % студентов опознают собственные взгляды как принадлежащие «гуманистической» психологической платформе. Эта тенденция усиливается с течением времени: какие бы имплицитные представления о творчестве студенты не имели бы в действительности, с каждым годом «гуманистов» среди них все больше и больше.

Из этого наблюдения можно сделать несколько выводов. Во-первых, вывод о том, что через посредство школьного обучения гуманистические идеи и понятия, инкорпорированные в житейскую речь в наибольшей степени, влияют на имплицитные представления о психических феноменах у современных школьников и студентов. Гуманистические психологические конструкты, по сути, создают свою «параллельную» психологическую реальность. В качестве примера такого положения вещей можно вспомнить об исследовании лингвиста Н. М. Азаровой, из которого со всей очевидностью следует, что в реальном словоупотреблении современных носителей русского языка произошло существенное разделение житейского смысла понятий «творчество» и «креативность» [1]. Во-вторых, житейские представления влияют на оценку психических феноменов существенно сильнее, чем научные (даже в случае студентов только что прошедших соответствующий курс обучения). И, наконец, в-третьих, вывод о том, что привычных, стандартных способов донести научную информацию о фактах для студентов (или шире – для современного массового со-

знания) становится недостаточно. Необходимы дополнительные инструменты перевода с научного языка на житейский и обратно. Существует потребность в особых инструментах, позволяющих обнаружить несовпадение системы значений житейских и научных понятий. Можно предположить, что роль такого «мостика» могут сыграть психосемантические методы исследования. В плане экспликации особенностей житейского языка и сопоставления их с языком научных концепций им, пожалуй, не найдется равных.

Развитие психосемантики происходило в русле развития конструктивистской парадигмы в психологии [7] и начиналось с изучения имплицитных теорий личности. Термин был предложен Дж. Брунером и Р. Тагиури в 1954 году [11] и поначалу служил для описания социальных феноменов восприятия.

В дальнейшем основой исследования «имплицитных теорий личности» стала теория личностных конструктов Дж. Келли [3]. В этой теории индивид рассматривается как активный творец – субъект, ориентирующийся в реальности на основе собственных предположений, проверяемых в личном опыте. Результатом проверки становится появление особых категорий мышления – конструктов, позволяющих выявлять основные характеристики реальности, значимые для практической ориентации в ней. Конструкты выполняют функции фильтров восприятия, осознания и понимания реальности, а также ее оценивания. Система конструктов создает особую субъективную реальность личности, в результате чего индивид взаимодействует в первую очередь не с объективной действительностью, а с ее собственной субъективной репрезентацией. Результатом становится то, что человек в большей степени начинает реагировать не на реальные факты внешнего мира, а на свое субъективное понимание этих фактов.

Представление о включенности психических способностей (к которым относятся и креативность) в систему личностных конструктов первоначально возникает в лексикографическом направлении в исследованиях личности [2]. На основе работ Олпорта и Одберга [9], в которых было выявлено более 4500 слов английского языка, обозначающих черты личности и устойчивые характеристики поведения, Р. Кеттеллом было выделено 35 биполярных конструктов, объединенных в 11 шкал [12]. Первоначально Р. Кеттелл включал интеллект в свой опросник в качестве тридцать шестой переменной, однако позднее он исключил эту переменную из списка.

Интеллект как ключевой фактор вновь возникает в «большой пятерке», возникшей в результате пересмотра работ Кеттелла. Д. Пибоди в своей работе [18], выделяя фактор «интеллекта и способностей» дифференцирует его на «контролируемый интеллект» и «экспрессивный интеллект». Первый концепт по смыслу сближается с общенаучным представлением об общем интеллекте, а второй – с представлением о креативности.

Близкие по смыслу результаты получили Шмелев и Похилько [22] на материале русской языковой картины мира. В своем исследовании они выделили 15 факторов, отражающих стереотипные представления о личности. Среди них были выявлены факторы оценки интеллекта и творческого потенциала. На основе анализа этих исследований В. Н. Дружинин делает вывод, что «в общезыковой «имплицитной теории личности» присутствует по крайней мере одна общая способность – интеллект» [2, с. 141].

Однако многочисленные попытки адаптировать факторы «Большой пятерки» к иным языковым картинам мира, предпринятые на протяжении 1990-х гг. XX века, показали, что фактор интеллекта является наименее устойчивым из этой пятерки.

Он варьируется от проявлений чистого интеллекта в немецкой выборке до проявлений непокорности и отсутствия стремления к конвенциональному поведению в итальянской и голландской выборках [10; 13]. Факторы, связанные с творческими проявлениями личности, отличаются еще меньшей устойчивостью и значительно реже обнаруживаются в числе базовых факторов, описывающих личность человека.

Тем не менее, интерес к изучению имплицитных теорий творчества возникает в 1970-е гг., и к 1980-му г. XX века приобретает систематический характер. Эти исследования ставят своей целью выявить многообразие индивидуальных представлений о феноменах творчества и креативности и соотнести друг с другом имплицитные житейские и эксплицитные научные представления о творчестве.

Р. Стернберг [23] констатирует, что эксплицитные теории креативности имеют психометрическую природу, а имплицитные являются гораздо более концептуальными, нежели эмпирическими. Исследование М. Рунко [19], в котором были сопоставлены результаты тестов на дивергентное мышление, проведенных среди учеников школы, с оценками учителей, основанных на их собственных имплицитных теориях креативности, показало, что у имплицитных теорий выше экологическая валидность по сравнению с эксплицитными теориями. Другими словами, выводы, сделанные значимыми индивидами (экспертами), более уместны в реальном контексте по сравнению с объективными измерениями.

В статье М. Рунко и М. Баллада [20] поставлен вопрос о соответствии теоретических понятий, используемых в эксплицитных теориях креативности, концептам имплицитных теорий креативности. Исследователи выявляли, существует ли в имплицитных теориях креативности студентов – психологов и профессиональных художников – дифференциация креативности на художественную, научную и повседневную (обыденную). Была выявлена схожесть имплицитных и эксплицитных теорий креативности, т. е. были сделаны выводы о значительном сходстве используемых в теориях конструктов. Позднее, в схожем по замыслу исследовании З. Ивцевич и Дж. Майера [14], проведенном среди студентов колледжа и профессионалов, было выявлено 3 фактора, являющихся измерениями творческих способностей в жизненном пространстве личности: повседневная, художественная и интеллектуальная креативность. Несмотря на полученные результаты, проблема соответствия содержания научных и житейских понятий не становится менее острой и по сей день.

В последнее время в зарубежных исследованиях ведется дискуссия, касающаяся природы имплицитных теорий креативности. Ряд исследователей [21] полагает, что они имеют преимущественно личный характер и могут быть использованы только для характеристики индивидуального отношения к концепту. Другие исследователи находят в имплицитных теориях креативности проявления групповых особенностей. В результате становится возможным говорить о языковых, национальных, гендерных особенностях имплицитных теорий креативности.

В работе С. Немержицкого [17] было проведено кросс-культурное исследование имплицитных теорий креативности у студентов эстонских и российских высших учебных заведений. В исследовании был сделан вывод, что существуют различия в понимании креативности между российскими и эстонскими студентами. Российские студенты отождествляли креативность преимущественно с возможностью продуцировать новые идеи, эстонские – с возможностью самовыражения, русскоязычные же студенты, обучающиеся в Эстонии, отождествляли креативность с уникальностью. Эта дифференциация объяснена принадлежностью к культурам с от-

личающимися традициями коллективизма/индивидуализма, а также билингвизма/монолингвизма социального окружения.

Зарубежные психосемантические исследования связаны преимущественно с изучением метафорической репрезентации креативности. Обоснованию этой идеи была посвящена статья С. Морана [16] – содержание понятия креативность изучается через систему метафор, которыми люди пользуются для описания творчества. В работе А. МакКречера [15] проанализированы следующие метафоры: креативность как безумие, обладание (владение), эволюция, вынашивание, просветление, расхождение (дивергенция), алгоритм, инвестиция, место, прорыв границ, организм, демократическая настроенность.

В рамках отечественной традиции, анализируя перспективы развития психосемантических исследований, В. Ф. Петренко отмечал, что одним из перспективных направлений станет выделение одного определенного объекта анализа (в нашем случае это понятие «творчество») и последующий анализ взаимосвязи «испытываемые – шкалы». Целью является построение «матрицы сходства ... шкал при оценке данного объекта (это приводит к построению частного семантического пространства признаков-дескрипторов, характеризующего именно данный содержательный объект)» [6, с. 84–85].

Именно в этом направлении было организовано и проведено исследование имплицитных представлений о творчестве у носителей русской языковой картины мира на выборке студентов гуманитарных специальностей.

В исследовании приняли участие 300 испытуемых. Выборку составили студенты очного и заочного отделений ФГБОУ ВО «НГПУ», обучающиеся по направлениям «Психология», «Психолого-педагогическое образование», «Журналистика». Из них 257 (85,7 %) женщин и 43 (14,3 %) мужчины. Эта пропорция точно отражает соотношение мужчин и женщин среди студентов гуманитарных специальностей НГПУ на протяжении последних лет. Возраст испытуемых – от 18 до 51 года.

На первом этапе исследования был составлен список из 130 пар вербальных антонимов (прилагательных), которые в дальнейшем были предложены испытуемым в качестве шкал методики «Семантический дифференциал».

На втором этапе исследования испытуемым был предложен для заполнения бланк методики «Семантический дифференциал», состоящий из выбранных шкал, расположенных в алфавитном порядке со следующей инструкцией: «Оцените понятие «творчество» по предложенным ниже шкалам. Левая часть пары вербальных антонимов соответствует полюсу «-3», правая часть – полюсу «+3». Например, если творчество для вас это нечто очень приятное, то вы в соответствующей шкале ставите оценку +3, если что-то в высшей степени неприятное, то оценку -3. Ноль используется для выражения безразличия, нейтральности, прочие численные показатели – для выражения степени отношения к понятию. Пожалуйста, используйте при оценивании только целые значения. Напишите вашу оценку в центре каждой строки».

Далее было необходимо оценить релевантность («пригодность») каждой из шкал для оценки феномена творчества. Для итоговой оценки релевантности шкалы сырые значения шкал были приведены к модулю числа, и для каждой шкалы было вычислено среднее арифметическое. При этом максимальное значение, которое могло быть приписано шкале, равно трем, минимальное – нулю. В качестве точки отсечения релевантных от нерелевантных шкал было принято медианное значение равное 1,485. Шкалы с показателем среднего арифметического выше это-

го значения были приняты в качестве релевантных (адекватно описывающих концепт «творчество» современными носителями русского языка), шкалы с показателем ниже – в качестве нерелевантных. Итоговые значения расположены в таблице 1, по мере убывания релевантности. Шкалы, признанные нерелевантными, выделены курсивом.

Таблица 1

**Итоговая оценка релевантности шкал методики «семантический дифференциал»
для описания концепта «творчество»**

№ шкалы	Шкала	Значение
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
1	банальное/оригинальное	2,66
2	ограниченное/неограниченное	2,47
3	фальшивое/настоящее	2,33
4	мертвое/живое	2,28
5	обычное/таинственное	2,23
6	поверхностное/глубокое	2,22
7	безобразное/красивое	2,17
8	увядающее/растущее	2,15
9	бледное/яркое	2,12
10	ленивое/трудолюбивое	2,11
11	лживое/честное	2,10
12	тусклое/яркое	2,09
13	неприятное/приятное	2,08
14	отвратительное/привлекательное	2,08
15	равнодушное/страстное	2,08
16	трусливое/смелое	2,07
17	пассивное/активное	2,06
18	абстрактное/конкретное	2,01
19	бесполезное/полезное	2,00
20	полное/пустое	1,98
21	слабое/сильное	1,98
22	тесное/просторное	1,98
23	бедное/богатое	1,96
24	жадное/щедрое	1,95
25	искусственное/натуральное	1,95
26	единичное/повторяющееся	1,90
27	униженное/гордое	1,89
28	анонимное/авторское	1,89
29	завершенное/длящееся	1,89
30	закрытое/открытое	1,88
31	изменчивое/устойчивое	1,87
32	немое/говорящее	1,86
33	внешнее/внутреннее	1,85
34	абсолютное/относительное	1,85

1	2	3
35	страдающее/наслаждающееся	1,82
36	спящее/бодрствующее	1,80
37	хаотичное/упорядоченное	1,80
38	плоское/объемное	1,79
39	раздробленное/целое	1,77
40	целенаправленное/бесцельное	1,76
41	узкое/широкое	1,76
42	черно-белое/цветное	1,76
43	несчастное/счастливое	1,74
44	движущееся/неподвижное	1,74
45	кратковременное/длительное	1,72
46	опускающееся/поднимающееся	1,72
47	ведомое/ведущее	1,71
48	человеческое/божественное	1,71
49	грязное/чистое	1,68
50	тайное/явное	1,68
51	злое/доброе	1,66
52	размытое/четкое	1,66
53	произвольное/непроизвольное	1,64
54	далекое/близкое	1,61
55	испорченное/исправное	1,59
56	глупое/умное	1,56
57	пессимистическое/оптимистическое	1,56
58	земное/небесное	1,55
59	упрямое/податливое	1,55
60	случайное/закономерное	1,55
61	озабоченное/беспечное	1,54
62	наказуемое/поощряемое	1,53
63	маленькое/большое	1,53
64	порывистое/плавное	1,53
65	тяжелое/легкое	1,53
66	больное/здоровое	1,52
67	глухое/звонкое	1,52
68	тихое/громкое	1,52
69	стоячее/текущее	1,52
70	бессознательное/сознательное	1,51
71	опасное/безопасное	1,50
72	темное/светлое	1,50
73	простое/сложное	1,49
74	трудное/легкое	1,49
75	острое/пресное	1,48
76	холодное/теплое	1,48

1	2	3
77	жестокое/милосердное	1,47
78	пластичное/упругое	1,45
79	редкое/частое	1,45
80	частное/общее	1,45
81	низкое/высокое	1,45
82	нервное/невозмутимое	1,44
83	расслабленное/возбужденное	1,44
84	неторопливое/проворное	1,43
85	эгоистичное/альтруистическое	1,43
86	матовое/блестящее	1,41
87	хвастающееся/скромное	1,41
88	разъединенное/соединенное	1,40
89	неправильное/правильное	1,38
90	короткое/длинное	1,37
91	грубое/нежное	1,35
92	угловатое/плавное	1,35
93	шероховатое/гладкое	1,35
94	тупое/острое	1,34
95	непослушное/послушное	1,34
96	порочное/целомудренное	1,34
97	развязное/смущенное	1,30
98	старое/молодое	1,28
99	вычурное/простое	1,27
100	монофоническое/стереофоническое	1,26
101	непрозрачное/прозрачное	1,26
102	кривое/прямое	1,26
103	асимметричное/симметричное	1,26
104	черное/белое	1,24
105	медленное/быстрое	1,23
106	серьезное/смеющеесяся	1,21
107	горькое/сладкое	1,21
108	ледяное/горячее	1,17
109	современное/традиционное	1,16
110	полое/сплошное	1,16
111	твердое/мягкое	1,16
112	заднее/переднее	1,12
113	прямое/наклоненное	1,11
114	грустное/веселое	1,08
115	зимнее/летнее	1,06
116	жидкое/густое	1,01
117	стоящее/лежащее	1,01
118	толстое/тонкое	0,97

1	2	3
119	сырое/вареное	0,96
120	нижнее/верхнее	0,96
121	южное/северное	0,93
122	зарубежное/отечественное	0,91
123	мокрое/сухое	0,91
124	горизонтальное/вертикальное	0,90
125	позднее/раннее	0,89
126	левое/правое	0,88
127	худое/толстое	0,87
128	лысое/волосатое	0,80
129	восточное/западное	0,70
130	мужское/женское	0,68

Предсказуемо наиболее релевантной оказалась шкала «банальное/оригинальное», используемая при психометрическом измерении уровня выраженности креативности в тестах дивергентного мышления. Относительно шкалы, которая получила наименьшее значение в нашем исследовании («мужское/женское») обнаруживается противоречие в ее использовании в научном и обыденном контексте. В классической гуманистической теории эта оппозиция используется для дифференциации двух наиболее отличающихся моделей креативности. В своей работе «Психология бытия» А. Маслоу соотносит женское творчество с пассивностью и восприимчивостью субъекта творческого акта, первой «вдохновенной» фазой творческого процесса, а мужское – с активностью и самоконтролем творящего субъекта, которые выражаются в упорном труде и становятся второй, «инструментальной» фазой творческого процесса [4]. То есть, гуманистическая теория предполагает, что этот конструкт релевантен, и позволяет дифференцировать значимые аспекты креативности. Наше исследование показывает, что он максимально нерелевантен для описания понятия «творчество» (по крайней мере для носителей русского языка). Этот вывод согласуется с результатами, полученными автором статьи в ранее проведенном исследовании, где не было обнаружено статистически значимых различий в семантических профилях концепта «творчество», построенных мужчинами и женщинами [8]. Выявленный факт можно считать характерной иллюстрацией несоответствия конструктов, применяемых в обыденном языке и научной терминологии для описания феномена творчества.

На третьем этапе исследования, полученный список из 75 шкал был разделен на 2 группы: моновалентные шкалы и амбивалентные.

Амбивалентность интерпретируется как большая дифференцирующая способность этой шкалы. В исследовании испытуемые по этим шкалам продемонстрировали наибольший разброс и разнообразие индивидуальных значений. Следовательно, эти шкалы более эффективны для получения индивидуальных профилей испытуемых. Моновалентные шкалы обладают минимальной дифференцирующей способностью. Это проявляется в сходстве оценок, данных по этим шкалам представителями исследуемой выборки. Моновалентные шкалы отражают общегрупповые представления об изучаемом конструкте и могут быть использованы для кросс-культурных исследований с целью выявления различий между представлениями

о творчестве носителей отличающихся языковых картин мира. Для оценки амбивалентности/моновалентности шкалы были получены значения среднего арифметического по каждой из них без приведения их к модулю числа – в абсолютных значениях. Амбивалентность шкалы определяется по признаку близости к нулю значения среднего арифметического.

Итоговые значения приведены в таблице 2. Значения шкал, находящиеся в диапазоне выше +1,5 или ниже –1,5 (включительно) интерпретируются как моновалентные, находящиеся в диапазоне от –1,5 до +1,5 – как амбивалентные (в таблице выделены курсивом).

Таблица 2

Итоговая оценка моновалентности – амбивалентности шкал методики «семантический дифференциал» для описания концепта «творчество»

№ шкалы	Шкала	Значение
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
1	банальное/оригинальное	2,57
2	ограниченное/неограниченное	2,24
3	фальшивое/настоящее	2,17
4	поверхностное/глубокое	2,14
5	безобразное/красивое	2,09
6	мертвое/живое	2,05
7	бледное/яркое	2,04
8	обычное/таинственное	2,03
9	тусклое/яркое	2,01
10	отвратительное/привлекательное	1,98
11	неприятное/приятное	1,97
12	равнодушное/страстное	1,97
13	трусливое/смелое	1,97
14	увядающее/растущее	1,95
15	бесполезное/полезное	1,90
16	лживое/честное	1,86
17	пассивное/активное	1,83
18	слабое/сильное	1,79
19	тесное/просторное	1,73
20	жадное/щедрое	1,71
21	плоское/объемное	1,70
22	униженное/гордое	1,70
23	ленивое/трудолюбивое	1,69
24	бедное/богатое	1,68
25	анонимное/авторское	1,66
26	полное/пустое	–1,65
27	опускающееся/поднимающееся	1,63
28	немое/говорящее	1,54
29	узкое/широкое	1,53
30	злое/доброе	1,53
31	искусственное/натуральное	1,49

1	2	3
32	черно-белое/цветное	1,43
33	глупое/умное	1,42
34	спящее/бодрствующее	1,38
35	несчастное/счастливое	1,35
36	кратковременное/длительное	1,34
37	грязное/чистое	1,34
38	испорченное/исправное	1,32
39	внешнее/внутреннее	1,32
40	маленькое/большое	1,31
41	глухое/звонкое	1,29
42	закрытое/открытое	1,25
43	стоячее/текущее	1,25
44	ведомое/ведущее	1,23
45	страдающее/наслаждающееся	1,22
46	абсолютное/относительное	1,17
47	наказуемое/поощряемое	1,14
48	пессимистическое/оптимистическое	1,12
49	больное/здоровое	1,09
50	движущееся/неподвижное	-1,06
51	острое/пресное	-1,03
52	простое/сложное	1,01
53	раздробленное/целое	1,01
54	изменчивое/устойчивое	-0,94
55	далекое/близкое	0,88
56	озабоченное/беспечное	0,84
57	завершенное/длящееся	0,83
58	темное/светлое	0,82
59	целенаправленное/бесцельное	-0,79
60	земное/небесное	0,76
61	единичное/повторяющееся	-0,74
62	опасное/безопасное	0,67
63	хаотичное/упорядоченное	-0,59
64	тихое/громкое	0,55
65	тяжелое/легкое	0,53
66	тайное/явное	-0,52
67	упрямое/податливое	-0,52
68	размытое/четкое	0,52
69	случайное/закономерное	-0,48
70	произвольное/непроизвольное	0,46
71	абстрактное/конкретное	-0,42
72	бессознательное/сознательное	0,31
73	трудное/легкое	-0,26

1	2	3
74	человеческое/божественное	-0,08
75	порывистое/плавное	-0,06

На основе анализа моновалентности шкал можно прийти к выводу, что для типичного носителя русского языкового сознания творчество в приоритетном порядке характеризуется следующими признаками: оно является оригинальным, неограниченным, настоящим, глубоким, красивым, живым, ярким, таинственным, привлекательным, приятным, страстным, смелым, растущим, полезным, честным, активным, сильным, просторным, щедрым, объемным, гордым, трудолюбивым, богатым, авторским, полным, поднимающимся, говорящим, широким, добрым.

Общезыковое представление о феномене, являющемся антонимом «творчества» охарактеризует его как: банальное, ограниченное, фальшивое, поверхностное, безобразное, мертвое, бледное, обычное, тусклое, отвратительное, неприятное, равнодушное, трусливое, увядающее, бесполезное, лживое, пассивное, слабое, узкое, жадное, плоское, униженное, ленивое, бедное, анонимное, пустое, опускающееся, немое, узкое, злое.

Выявленный набор вербальных шкал может быть использован для выявления особенностей как групповой, так и индивидуальной имплицитной теории творчества. В частности, существует перспектива с его помощью оценивать собственный уровень выраженности творческих способностей и уровень выраженности творческих способностей других людей.

На четвертом этапе исследования был проведен факторный анализ 75 релевантных шкал методики с использованием вращения шкал по методу варимакса. В результате анализа было выявлено 58 факторов, объясняющих 94 % дисперсии. Из 58 выявленных факторов выделено 9 факторов, поддающихся внятной интерпретации и включающих в себя более одной шкалы (в итоговую таблицу 3 включены только те шкалы, чья факторная нагрузка превышает 0,350). В скобках приводится значение факторной нагрузки шкалы.

Таблица 3

**Измерения семантического пространства концепта «творчество»
для носителей русской языковой картины мира**

№	Название фактора	Шкалы, входящие в фактор	Значение факторной нагрузки шкалы
1	2	3	4
1	Позитивность	несчастное/счастливое	0,800
		страдающее/наслаждающееся	0,730
		пессимистическое/оптимистическое	0,357
2	Оценка	приятное/неприятное	0,821
		отвратительное/привлекательное	0,576
		пассивное/активное	0,381
3	Легкость	трудное/легкое	0,890
		тяжелое/легкое	0,607
4	Истинность	фальшивое/настоящее	0,841
		лживое/честное	0,724
5	Правильность	испорченное/исправное	0,675

1	2	3	4
		злое/доброе	0,626
6	Сложность	упрямое/податливое	0,886
		простое/сложное	-0,455
7	Сила	слабое/сильное	0,792
		увядающее/растущее	0,370
8	Нуминозность	человеческое/божественное	0,921
		земное/небесное	0,459
9	Витальность	мертвое/живое	0,855
		порывистое/плавное	0,354

В представленном списке присутствует три классических фактора, являющихся константными для имплицитных теорий личности: оценка, сила, сложность [5]. При этом стоит отметить, что фактор оценки для концепта «творчество» сливается с фактором «активности». Факторы позитивности, легкости, истинности, правильности, нуминозности и витальности являются специфическими для оценки понятия «творчество» в русской языковой картине мира. Все остальные шкалы за небольшим исключением могут предварительно рассматриваться как отдельные факторы. Из списка 75 релевантных шкал факторной нагрузки не получили шкалы: маленькое/большое, опасное/безопасное, размытое/четкое, тесное/просторное, тусклое/яркое.

Полученные в исследовании результаты позволяют сделать следующие выводы:

- методы психосемантики позволяют выявить сходство и различие значений имплицитной житейской и эксплицитной научной картин мира;
- относительно феномена «творчество» может быть выявлена система релевантных шкал, описывающих его важные характеристики с точки зрения носителей языкового сознания;
- среди релевантных шкал, описывающих концепт «творчество», могут быть выделены моновалентные шкалы (характеризуют константные устойчивые представления о феномене среди носителей этой языковой картины мира) и амбивалентные шкалы (характеризуют изменчивые и вариативные индивидуальные особенности восприятия феномена среди носителей этой языковой картины мира);
- психосемантические методы позволяют выявить систему измерений (факторов) семантического пространства концепта «творчество», единую для носителей русской языковой картины мира.

Список литературы

1. Азарова Н. М. Креативность как слово и как концепт // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 21–30.
2. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2000. 368 с.
3. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 256 с.
4. Маслоу А. Психология бытия. М.; Киев: Рефл-бук: Ваклер, 1997. 304 с.
5. Петренко В. Ф., Нистратов А. А. Построение вербального семантического дифференциала на базе русской лексики // Исследование проблем речевого общения: сборник статей. М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1979. С. 138–156.
6. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 480 с.

7. *Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М: Новый хронограф, 2009. 440 с.
8. *Трусов В. П.* Исследование представлений о творчестве методом вербального семантического дифференциала // Актуальные проблемы психологии и педагогики: диагностика, превенция, коррекция: материалы научно-практической заочной конференции с международным участием (г. Новосибирск, 16 декабря 2015 г.): в 2 ч. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. Ч. 1. С. 157–164.
9. *Allport G. W., Odbert H. S.* Trait-names: a psycholexical study // Psychological monographs. 1936. Vol. 47, № 1. P. 171.
10. *Ashton M. C., Lee K., Perugini M.* [etc.] A six-factor structure of personality-descriptive adjectives: Solutions from psycholexical studies in seven languages // Journal of Personality and Social Psychology. 2004. Vol. 86. P. 356–366.
11. *Bruner J. B., Tagiury R.* The perception of people // Handbook of social psychology. Reading (Mass.). 1954. Vol. 2. P. 9–41.
12. *Cattell R. B.* The description and measurement of personality. N. Y.: Harcourt, Brace & World, 1946.
13. *De Raad B., Barelds D. P. H., Levert E.* [etc.] Only three factors of personality description are fully replicable across languages: A comparison of 14 trait taxonomies // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. Vol. 98. P. 160–173.
14. *Ivcevic Z., Mayer, J. D.* Mapping Dimensions of Creativity in the Life-Space // Creativity Research Journal. 2009. Vol. 21: 2–3. P. 152–165.
15. *McKerracher A.* Understanding Creativity, One Metaphor at a Time // Creativity Research Journal. 2016. Vol. 28: 4. P. 417–425.
16. *Moran S.* Metaphor foundations in creativity research: Boundary vs. Organism // Journal of Creative Behavior. 2009. Vol. 43 (1). P. 1–22.
17. *Nemeržitski S.* Implicit Theories of Creativity of Secondary School Students from Estonia and Russia: Effects of Collectivism, Individualism, and A Bilingual Educational Environment // Creativity Research Journal. 2017. Vol. 29: 1. P. 56–62.
18. *Peabody D.* Selecting representative trait adjectives // Journal of personality and social psychology. 1987. Vol. 52, № 1. P. 59–71.
19. *Runco M. A.* Teacher's judgments of creativity and social validity of divergent thinking tests // Perceptual and Motor Skills. 1984. Vol. 59. P. 711–717.
20. *Runco M. A., Bahleda M. D.* Implicit Theories of Artistic, Scientific, and Everyday Creativity // The Journal of Creative Behavior. 1986. Vol. 20, № 2. P. 93–98.
21. *Runco M. A., Pritzker S. R.* Implicit Theories // Encyclopaedia of creativity. London: Academic Press, 2011. Vol. 1. P. 644–646.
22. *Shmelyov A. G., Pokhil'ko V. I.* A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names // European Journal of Personality. 1993. Vol. 7. P. 1–17.
23. *Sternberg R. J.* Beyond IQ. NYC: Cambridge University Press, 1985. 411 p.

